

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ / TRANSLATED ARTICLES

УДК 343.9:159.942

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.11.2017.1.189-207>

К. Н. БОУЭН¹

ДЖ. ДЖ. РОБЕРТС²

Э. КОУШЭН³

А. БАРТУЛА⁴

¹ *Техасский Христианский университет, г. Форт-Уэрт, США*

² *Университет Индиана (Пенсильвания), г. Индиана, США*

³ *Колледж Св. Винсента, г. Латроб, США*

⁴ *Университет Северного Техаса в Далласе, г. Даллас, США*

ЭМПИРИЧЕСКАЯ ПРОВЕРКА ТЕОРИИ ОБРАБОТКИ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ И ВЛИЯНИЕ ЭМОЦИЙ В СИТУАЦИЯХ НАСИЛИЯ*

Цель: исследование процесса принятия решений в ситуациях, связанных с высокой степенью риска насилия.

Методы: формально-юридический, социологический, метод иерархического обобщенного линейного моделирования.

Результаты: в криминологии при изучении процесса принятия решений у правонарушителя обычно применяется подход рационального выбора. Однако этот подход не учитывает комплексного взаимодействия ситуационных, когнитивных, эмоциональных и личностных факторов, которые оказывают влияние на процесс принятия решения о совершении правонарушения. С этой целью в данной статье исследуется процесс принятия решений в ситуациях, связанных с высокой степенью риска агрессии, и обращается особое внимание на аспекты обработки социальной информации и показатели эмоционального состояния. В статье рассматриваются данные о 236 недавно приговоренных к тюремному заключению преступниках, включая их персональные данные и сообщения о случаях насилия и избегания насилия ($n = 466$).

Научная новизна: в статье впервые обосновано, что ряд аспектов ситуационной обработки социальной информации и ряд показателей эмоционального состояния (такие как интерпретация намерений, постановка цели и выработка реакции) являются значимыми прогностическими факторами повышения агрессии, а следовательно, повышения вероятности совершения правонарушения.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с выявлением и устранением причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также оказанием воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения.

Ключевые слова: процесс принятия решений; эмоции; ситуация; теория обработки социальной информации; теория; насильственные преступления; правонарушение

* Впервые статья опубликована в *Western Criminology Review*. Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/3.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи. Для коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала *Western Criminology Review*: CCJLS@WesternCriminology.org.

Цитирование оригинала статьи на английском языке: Bowen, K. N., Roberts J. J., Kocian E. J., Bartula A. An Empirical Test of Social Information Processing Theory and Emotions in Violent Situations // *Western Criminology Review*. 2014. Vol. 15, No. 1. Pp. 18–33.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Боуэн К. Н., Робертс Дж. Дж., Коушэн Э., Бартула А. Эмпирическая проверка теории обработки социальной информации и влияние эмоций в ситуациях насилия // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т. 11, № 1. С. 189–207. DOI: 10.21202/1993-047X.11.2017.1.189-207

Введение

В последние годы возродился интерес к изучению ситуативных компонентов преступления (например, [1]). Исследователи, зачастую основываясь на символических взаимодействиях [2], рассматривают с этой точки зрения широкий спектр ситуационных (например, влияние наркотиков, присутствие посторонних, наличие оружия) и личностных факторов (например, демографических), которые влияют на исход конкретной ситуации [1, 3, 4]. Такая точка зрения заслуживает внимания, поскольку позволяет исследователям изучить, наряду с традиционными личностными (или индивидуальными) факторами, также процесс взаимодействия и взаимовлияния человека и его окружения в текущий момент. Однако, несмотря на интерес, о котором говорилось выше, исследования процесса принятия решений в таких ситуациях не проводились. Некоторые авторы в попытке объяснить рост насилия утверждают, что существует когнитивный этап, на котором правонарушитель интерпретирует ситуационные сигналы и/или принимает решение о дальнейших действиях в данной ситуации (например, [5, 6]). Однако до сих пор этот этап не был в достаточной мере исследован.

Аспекты личности преступника и процесса принятия решений традиционно рассматриваются в криминологии с точки зрения теории рационального выбора. Однако ряд ученых считают такой подход очень упрощенным и неспособным объяснить: (1) многосторонность процесса принятия решения, (2) роль повышенной эмоциональности и (3) влияние среды [7, 8]. Например, De Naan и Vos [8] считают, что рассматривать ситуацию с точки зрения рационального выбора – это слишком узкий подход. Они также доказывают, что действия отдельной личности не являются результатом одного лишь намерения, а скорее результатом комплексного социального процесса принятия решения. Кроме того, De Naan и Vos [8] показали, что подход с точки зрения рационального выбора не проясняет проблему опыта правонарушителя, приобретенного до (а также во время)

совершения правонарушения. Без учета этого опыта сложно объяснить мотивы и мыслительные процессы правонарушителя. Теория рационального выбора признает наличие мотивации, но не объясняет ее [9].

Объективная оценка ситуации затруднена в тех случаях, когда рациональное мышление ограничено [10], когда вообще отсутствует [9] или отягощено эмоциями. Разнообразие и объективность реакций могут быть недостижимы в случае ограниченных возможностей отдельной личности [11]. Альтернативы и выбор преступника субъективны; следовательно, рациональная, объективная оценка возможных альтернатив совершению преступления может просто отсутствовать.

Именно это рассматривается в научной литературе в качестве основного препятствия для эмпирического изучения процесса принятия решения на личностном уровне, поскольку внутренние когнитивные процессы нельзя наблюдать непосредственно [12]. Несмотря на это, исследователи в области психологии попытались описать данный процесс принятия решений через теории агрессии, девиантного и криминального поведения.

Одной из таких попыток стало обновление теории обработки социальной информации (ТОСИ) (reformulated social information processing (SIP) theory), предпринятое Crick и Dodge [13]. ТОСИ – это социальный когнитивный подход, основанный на допущении, что человек «вступает в социальную ситуацию с набором биологически ограниченных возможностей и с базой данных о своем прошлом опыте» [13, с. 76]. Позднее Lemerise и Arsenio [14] расширили эту модель с учетом роли эмоций в процессе принятия решений. Эта теория (и, как мы покажем, ее расширенная версия) описывает шаги, которые личность предпринимает в процессе вынесения суждения [15], а следовательно, данная теория поможет понять процесс принятия решения правонарушителем в ситуации насилия.

Таким образом, целью данной статьи является оценка применимости теории обработки социальной

информации и эмоций для понимания процесса принятия решения правонарушителем на примере 236 недавно приговоренных к тюремному заключению преступников, осужденных за различные преступления. Респондентов просили вспомнить ситуации насилия и избегания насилия, в которых они участвовали в течение 24 месяцев, предшествовавших тюремному заключению.

Теория обработки социальной информации

Теория обработки социальной информации (ТОСИ) изучает широкий спектр психических процессов, реализуемых личностью для формирования поведенческой реакции в ходе социального взаимодействия [13]. Согласно данной теории, в ходе социального взаимодействия каждая личность проходит шесть последовательных, относительно независимых друг от друга этапов, заканчивающихся принятием решения. Эти этапы включают: (1) восприятие социальных сигналов, оценку характеристик намерений, постановку цели, поиск сценариев поведения в памяти, (2) принятие решения и (3) осуществление принятого решения посредством поведенческой реакции [16, 17]. Процесс принятия решений осложняется тем, что на каждой стадии возникают определенные эмоции, играющие значительную роль в принятии решения [13, 16, 18]. Однако теория не указывает на то, какую именно роль играют эмоции [13]. Lemerise и Arsenio [14] предложили модель, которая объединяет когнитивные компоненты модели Crick и Dodge с эмоциональными процессами, играющими важную роль в принятии решения. Рассмотрение данной теории включает оба указанных аспекта.

Таким образом, первым этапом теории обработки социальной информации является декодирование социальных сигналов в данной ситуации. Сигналы бывают внутренние и внешние [13]; внутренними называются такие сигналы, которые сам индивид привносит в ситуацию, тогда как внешние поступают непосредственно из обстановки [19]. Например, любые базовые знания или такие личностные черты, как склонность к определенным формам поведения, представляют собой внутренние сигналы. Любые новые сигналы являются внешними; они могут включать невербальную, аффективную или вербальную коммуникацию с другим участником текущего ситуационного контекста.

Второй шаг – интерпретация – является комплексным этапом, в ходе которого личность интерпретирует сигналы текущей ситуации в свете информации, хранящейся в индивидуальной «базе данных» памяти. Эта база данных хранит прежний опыт в форме ассоциаций, схем, сценариев и социальных знаний [13, 20]. В ходе второго этапа интерпретируются мотивы и намерения других участников ситуации [19]. Этот процесс может привести к изменениям или пересмотру базы данных личности [13].

Исследования прошлых лет, касающиеся вопросов интерпретации намерений, показали, что в неоднозначных ситуациях агрессивные молодые люди наиболее склонны приписывать другим враждебные намерения [21–23]. Это свойство получило название «предубежденность о враждебности другого» [24]. Оно ярче всего проявляется в *реактивной агрессии* (в отличие от проактивной), когда неверная интерпретация социальных признаков приводит к фрустрации, гневу и агрессии (см. например, [25, 26]). Кроме того, Cossaro, Noblett и McCloskey [27] исследовали атрибутивные и эмоциональные реакции на социально неоднозначные ситуации и обнаружили, что атрибуция враждебности имеет прямое отношение к индивидуальной эмоциональной реакции на провокацию.

В частности, предубежденность о враждебности другого связывали с неспособностью личности регулировать и выражать свои эмоции. Кроме того, было показано, что такие негативные эмоции, как гнев, имеют положительную корреляцию с агрессивным поведением и неспособностью решать задачи [28], а также связаны с предубежденностью о враждебности другого и с агрессивным поведением [20, 26].

Третий этап теории обработки социальной информации – это прояснение целей в ситуации: «Цель – это целенаправленное состояние возбуждения, которое служит в качестве ориентировки для достижения определенных результатов» [13, с. 76]. Личность вносит цель в социальную ситуацию, но может также пересмотреть эту цель или создать новую в ответ на непосредственные социальные стимулы. Цели можно подразделить на внутриличностные и межличностные. Внутриличностные, или инструментальные, цели поддерживают сами себя и направлены на увеличение личных выгод [13, 19, 29]. Они в большей степени эгоцентричны и антисоциальны, тогда как межличностные цели касаются «выгод для нескольких человек»

и способствуют взаимодействию с другими людьми и анализу этого взаимодействия. *Проактивная агрессия* (в отличие от реактивной) отличается приверженностью к внутриличностным/инструментальным целям и рассматривается как средство достижения значимых целей или получения значимых объектов [25, 26, 30].

На основе эмоциональных процессов могут быть сформированы цели, в большей или меньшей степени позитивные. Например, прошлые взаимоотношения могут оказать влияние на формирование цели [14]. В сложных ситуациях с участием близкого друга или члена семьи человек может выбирать менее опасные цели, чтобы сохранить отношения. Однако проактивно агрессивные личности могут предпочитать внутриличностные/инструментальные цели по сравнению с целями, направленными на построение отношений [25]. Кроме того, эмоциональное состояние других людей, вовлеченных в ситуацию, может влиять на формирование цели. Например, если оппонент воспринимается как человек в состоянии гнева, то это может негативно отразиться на выборе цели.

В ходе четвертого этапа личность в ответ на непосредственную социальную ситуацию оценивает вероятные реакции со стороны памяти либо конструирует новую модель поведения. Пятый этап состоит в том, что личность оценивает предыдущие реакции (извлеченные из памяти или созданные в данный момент) и выбирает одну из них, которая наиболее положительно оценивается в данной ситуации. Это решение может быть принято на основе нескольких факторов, включая: (а) результаты, ожидаемые на основе прошлого опыта, (б) чувство индивидуальной самоэффективности и (в) оценку степени уместности реакции (оценка реакции). Lemerise и Arsenio [14] указывают, что негативные эмоции (например, гнев) могут усиливать предубежденность о враждебности другого, особенно для реактивно агрессивной личности, и затруднять выработку и оценку эффективной реакции. Шестой, и последний, этап – это реализация выбранной реакции через поведение [13]. Личность реализует такое поведение, которое кажется наиболее подходящим для достижения цели в данной ситуации [29].

Эмпирическое обоснование

Согласно ТОСИ, ограниченность в одном или нескольких этапах может привести к социально неприемлемому поведению, включая агрессию и насилие

в рамках конкретной ситуации [29]. Исследования показали, что у агрессивных детей наблюдается подобная недостаточность в самых разных ситуациях. Ряд лонгитюдных исследований также подтвердили, что отклонения в обработке информации приводят к агрессивным реакциям [17]. Однако основная масса лонгитюдных и перекрестных исследований в рамках ТОСИ была ориентирована на детей и подростков (см. [17, 29, 31–34]). На сегодняшний день ТОСИ эффективно объясняет агрессию у детей и подростков (например, [35, 36]).

Поскольку исследования в рамках ТОСИ ориентированы в основном на детей, проблема обработки социальной информации и ее связь с насилием/агрессией у более старших подростков мало изучена. Например, Stozieg и др. [32] исследовали 585 подростков в течение трех лет, с 16 до 18 лет. Впервые изучалось соотношение между способами обработки информации и антиобщественным поведением у группы старших подростков. Используя опросники и видеозаписи, ученые доказали, что отклонения в обработке социальной информации предопределяют антиобщественное поведение и проактивную агрессию. Было также показано, что характеристики обработки социальной информации влияют на антиобщественное поведение, даже если прошлый опыт поведения находится под контролем.

Кроме того, Losel и др. [29] провели перспективное исследование 102 мальчиков-подростков 7-го и 8-го классов, а затем их же в 9-м и 10-м классах. Для оценки этапов ТОСИ подросткам предъявлялись видеозаписи конфликтных ситуаций, которые могли вызвать более или менее агрессивные когнитивные реакции. Было обнаружено, что характеристики ТОСИ объясняют примерно от 20 до 34 % индивидуальных различий в агрессии спустя 20 месяцев. Аналогично в одном из самых крупных на сегодня исследований (перспективное исследование в течение 12 лет, проведено Lansford и др. [19]) изучалась обработка социальной информации на примере 576 детей в дошкольном возрасте, затем в 3, 8 и 11-м классах. Используя видеозаписи, исследователи показали, что проблемы с обработкой социальной информации являются предвестником более серьезных проявлений в 11-м классе (включая правонарушения и агрессию).

Так же, как и агрессивные дети и подростки, взрослые, совершившие насильственные престу-

пления, дают девиантные интерпретации (т. е. видят враждебные намерения) в неоднозначных социальных ситуациях. Topalli [37] проводил квази-эксперимент с использованием видеозаписей световых шоу (Point Light Displays (PLD)), сравнивая, насколько отличается восприятие ситуации у правонарушителей и неправонарушителей. В записях PLD актеры действуют в темном помещении с точечными источниками света (обычно светоотражающая лента или лампочки), укрепленными на теле, разыгрывая сценки, которые зритель может интерпретировать различным образом.

В исследовании участвовали три группы: (1) правонарушители, (2) контрольная группа, подобранная по демографическим показателям, близким к группе правонарушителей, и (3) учащиеся колледжа. Правонарушители воспринимали сюжеты видеозаписей как более агрессивные, чем учащиеся колледжа и контрольная группа. При этом неоднозначные ситуации на видео воспринимались группой правонарушителей и контрольной группой примерно одинаково, как выражающие агрессию в течение 72 и 69 % времени соответственно, тогда как учащиеся колледжа считали, что агрессия занимает лишь 12 % времени.

Это исследование выявило значимость социально-когнитивного процесса принятия решений у преступников; в частности, было показано, как происходит интерпретация намерений другого у разных людей. Однако не было установлено, как именно происходит процесс принятия решения, а также не была показана связь принятия решения с совершением преступления.

Во всех вышеупомянутых исследованиях для измерения обработки социальной информации использовались видеозаписи или сценарии. Хотя такая форма является стандартной и дает возможность получить значимую информацию, исследование с помощью самоотчета может по-новому показать процесс принятия решений у преступников. При использовании видеозаписи респондент должен представить, что он участвует в данной ситуации, а затем предсказать свое поведение. Это позволяет исследователю определить, как испытуемый интерпретирует новую для него ситуацию и реагирует на нее. Однако некоторые испытуемые не могут соотнести себя с предьявленной ситуацией; кроме того, видеозаписи не могут адекватно отразить весь широкий спектр ситуационных и эмоциональных сигналов, оказывающих влияние на

личность (например, присутствие очевидцев, использование психотропных веществ, наличие оружия).

Другой, менее опосредованный способ исследовать обработку социальной информации состоит в том, что испытуемые описывают ситуации агрессии, в которых они были задействованы в недавнем прошлом, а затем отвечают на вопросы о ситуационном контексте и о процессе принятия решения.

Немаловажной проблемой является недостаток исследований взрослых испытуемых в рамках ТОСИ. С точки зрения психологии развития по мере взросления личности увеличивается ее опыт действий в различных социальных ситуациях и возрастает объем социальных знаний [13]. До настоящего времени ТОСИ не проверялась ни в одном исследовании поведения взрослых преступников в ситуациях агрессии и насилия. Необходимо дальнейшее изучение этих вопросов на выборках испытуемых из числа взрослых и преступников, а также способности данной теории объяснить агрессивное и криминальное поведение.

Исследование

В данном исследовании были изучены 466 ситуаций насилия и избегания насилия, описанных недавно попавшими в тюрьму преступниками. Цель исследования – изучить процесс принятия решения в указанных ситуациях.

При исследовании процесса принятия решения использовался внутриличностный анализ, учитывающий эмоции и когнитивную сферу. Цель анализа – определение с помощью ТОСИ влияния индивидуального процесса принятия решения на исход ситуации.

Проверка гипотез

Наши гипотезы ставят задачу изучить различия в процессе принятия решения в рамках ТОСИ. В частности, мы предположили, что те ситуации, в которых респонденты отмечают слабую или неэффективную обработку социальной информации, с большей вероятностью закончатся проявлением насилия, чем избеганием насилия. Наша гипотеза состоит в том, что в ситуации насилия (по сравнению с ситуацией избегания насилия) респонденты приписывают оппоненту (оппонентам) более негативные намерения на втором этапе обработки информации (интерпретация сигналов), выбирают более внутриличностные цели (в отличие от межличностных) на третьем этапе, гене-

рируют меньше поведенческих реакций на четвертом этапе и признают, что их действия привели к желаемому результату. Основываясь на исследовании Lemerise и Arsenio [14], мы также выдвигаем гипотезу, что на ситуационном уровне в таких ситуациях играют роль эмоции – гнев и предубежденность о враждебности другого. А именно чем сильнее указанные эмоции, тем с большей вероятностью ситуация закончится проявлением насилия.

Мы также предполагаем, что с учетом ситуационных характеристик обработка социальной информации и эмоциональные характеристики становятся менее значимыми, чем было показано в более ранних моделях. Ранее считалось, что такие ситуационные характеристики, как воздействие наркотиков и наличие оружия, являются значимыми предпосылками проявления насилия (см. [38–44]). Однако до сих пор оставалась неизученной степень взаимодействия обработки социальной информации, эмоциональных и ситуационных характеристик, определяющих исход ситуации.

Методология.

Выборка и процедура исследования

Выборка данного исследования представляет собой 330 мужчин, недавно приговоренных к тюремному заключению, в возрасте старше 18 лет, содержащихся в четырех тюрьмах Западной Пенсильвании. 236 из них участвовали в опросах, касающихся ситуаций насилия и избегания насилия. Как показывает обзор литературы, ранее исследования в рамках теории обработки социальной информации проводились только на подростках.

Вопросы обработки социальной информации у взрослых не изучались, особенно в отношении насильственных действий.

В данном исследовании принимали участие только мужчины, недавно приговоренные к тюремному заключению, независимо от совершенного преступления, к моменту исследования содержащиеся в тюрьме в течение не более трех месяцев. Вопрос использования выборок заключенных получил широкое обоснование в научной литературе, где показано, что недавно приговоренные к тюремному заключению являются наиболее благоприятным объектом изучения, так как лучше помнят обстоятельства своего недавнего поведения в изучаемых ситуациях (см. [44, 45]).

Первоначально исследователи планировали опросить всех заключенных в рамках критериев выборки, но из-за соображений безопасности лишь в одной тюрьме было разрешено взаимодействовать с заключенными. В еще одной тюрьме исследователям был предоставлен список заключенных – потенциальных респондентов в рамках критериев выборки и дана возможность опрашивать их. В результате процент участвовавших в исследовании от общего числа потенциальных респондентов составил 90,82 и 94,73 % соответственно. В оставшихся тюрьмах исследователи не имели доступа к спискам потенциальных респондентов. Если заключенный подходил по критериям отбора, но не желал участвовать в исследовании, то исследователи не знали об этом; таким образом, неизвестно количество потенциальных респондентов, не участвовавших в исследовании. Из тех, кто встречался с исследователями в оставшихся двух тюрьмах, 92,92 % приняли участие в исследовании. Таким образом, во всех четырех тюрьмах процент участия составил 93 % (236 респондентов). Эти данные коррелируют с более ранними исследованиями, в которых также отмечается высокий процент участия в условиях официальных учреждений [44, 46].

Как и в более ранних исследованиях, респонденты были осуждены за различные преступления (см., например, [47–51]). В данном исследовании вид совершенного преступления не регистрировался и не являлся критерием выборки. Поскольку заключенные не являются репрезентативной выборкой всего населения, данные исследования представляют собой ценный материал для изучения преступности. Например, в отличие от населения в целом, преступники участвуют в многочисленных ситуациях, связанных с насилием [52], как в роли жертвы, так и в роли правонарушителя (см., например, [4, 44, 53]). Благодаря этому на них можно изучать процесс принятия решения, эмоции и контекстуальные факторы в ситуациях повышенного риска насилия.

В нашем исследовании все опросы проводились двумя учеными с июня по октябрь 2010 г. В среднем одно интервью длилось около часа. В трех тюрьмах интервью проводились в отдельных изолированных комнатах, где присутствовали только один интервьюер и один заключенный. В четвертой, самой крупной, тюрьме проведение интервью было организовано в одной большой комнате, предназначенной для

встреч заключенных с адвокатами. В ней находилось восемь столов, расставленных вдоль стен. В этом случае оба интервьюера работали одновременно с двумя заключенными по отдельности, при этом иногда в комнате присутствовали и другие заключенные со своими адвокатами. Тем не менее планировка комнаты обеспечивала приватность каждой беседы. Персонал тюрьмы также оставался за пределами комнаты.

Опрос проводился с помощью компьютеров, все ответы респондентов сразу заносились в программу Excel. Интервьюеры располагались рядом с респондентами, показывая, что происходит на экране, чтобы респондент видел, что именно записывает интервьюер [44]. Все респонденты дали письменное информированное согласие и добровольно согласились на участие в исследовании.

Интервьюеры просили каждого респондента рассказать о различных ситуациях, включающих насилие или избегание насилия (определения приводятся ниже), в которых респондент участвовал в течение 24 месяцев до момента ареста. Каждого респондента просили рассказать максимум о трех ситуациях в каждой категории, таким образом, возможным материалом для анализа становились шесть ситуаций. Если респондент мог вспомнить более трех ситуаций в категории, его просили рассказать только о трех последних по времени. Для того чтобы помочь респондентам вспоминать, мы использовали календарь жизненных событий. Подсказки календаря жизненных событий помогали респондентам вспомнить конкретные события в их жизни, что, в свою очередь, служило подсказкой для воспоминаний о конкретных ситуациях. Кроме рассказов о ситуациях насилия и избегания насилия, интервьюеры собирали значимую личную информацию (например, характерный уровень гнева и предубежденности о враждебности другого). Таким образом, эти данные (о ситуациях и о личности) связаны друг с другом.

Ключевые переменные

Зависимая переменная

В данном исследовании мы изучали влияние обработки социальной информации, эмоций и других ситуационных и личностных переменных на повышение вероятности насилия. Для этого мы собирали информацию от респондентов о ситуациях насилия и избегания насилия, в которых они участвовали. В прошлом этот подход был неоднократно рекомен-

дован (см., например, [4]) и использован рядом ученых (см., например, [52, 54, 55]). Ситуация насилия определяется как физическая конфронтация одного человека против другого с целью причинить телесный вред последнему. При этом может происходить применение оружия, удары, проникающие ранения, шлепки, пинки, удушение, кидание предметов в человека. Ситуации избегания насилия – это подобные ситуации, в которых насилие, воспринимавшееся человеком как возможное, не произошло по любой причине. Такие ситуации могут включать захваты, толчки, угрозы; неудавшиеся попытки вовлечения в ситуацию насилия; ситуации, когда человек чувствует сильный гнев и готовность причинить вред другому, но не делает этого. Определения ситуаций насилия и избегания насилия были взяты из исследования Horney [52] с разрешения автора. В обеих категориях ситуаций было также проведено разграничение между более или менее угрожающей степенью насилия. Захваты или толчки могут расцениваться как насилие, но авторы хотели иметь выборку ситуаций, различающихся по степени и тяжести насилия. Такое разграничение было проведено. Респонденты получали определения и описания каждого типа ситуаций и должны были рассказать, бывали ли они вовлечены в ту или иную ситуацию. Если да, то интервьюеры фиксировали описания конкретных ситуаций, до трех на каждый тип ситуаций. Зависимая переменная получала значение 0 для избегания насилия и 1 для ситуации насилия.

Независимые переменные

Основные независимые переменные в данном исследовании – это показатели теории обработки социальной информации (ТОСИ), которые использовались для изучения процесса принятия решений респондентами. Указанная теория выделяет шесть когнитивных этапов при осуществлении поведенческой реакции, однако в данном исследовании только четыре из шести этапов получили количественную оценку. Остальные показатели были отражены лишь описательно, так как не поддаются количественному измерению. Таким образом, данное исследование является частичной проверкой ТОСИ. Показатели ТОСИ, использованные в данном исследовании, были взяты из литературы по ТОСИ (см. [26, 29]) и расширены нами.

Первым из измеряемых показателей является показатель второго этапа ТОСИ, а именно интерпре-

тация социальных сигналов оппонента (оппонентов) в ситуации насилия и избегания насилия. Как показано в более ранних исследованиях, согласно ТОСИ, человек (особенно реактивно агрессивный) более склонен реагировать агрессивно, если воспринимает намерения оппонента как негативные. В нашем исследовании респондента спрашивали, как он воспринимал намерения оппонента в данной ситуации («Намерения оппонента были позитивными или негативными?»). Показатель «Интерпретация намерений» оценивался по 11-балльной шкале от 0 до 10. 0 обозначал негативные намерения, 5 – нейтральные, 10 – позитивные. Второй показатель на этом этапе был описательным, он показывает, каким образом респондент определил намерения оппонента. Показатель носит название «Расшифровка сигналов» и включает варианты: прошлый опыт взаимодействия с данным оппонентом; прошлый опыт с другими людьми; просто знал о намерениях оппонента; оппонент сказал о своих намерениях; узнал по поведению оппонента; другое.

Следующий этап ТОСИ соответствует показателю цели респондента в данной ситуации. Он показывает, чего хотел достичь респондент в данной ситуации. Этот вопрос был открытого типа, т. е. респондент мог сам перечислить свои цели («Чего Вы хотели достичь в той ситуации?»). На основе цели (целей) ответы затем подразделялись на две категории: внутриличностные (0) и межличностные (1). В литературе по ТОСИ указывается, что человек (особенно проактивно агрессивный) более склонен к поведенческой реакции насилия, если выбирает более внутриличностные цели или стремится к личной выгоде.

Четвертый этап, согласно ТОСИ, описывает процесс выработки реакции. По теории, человек, совершающий насильственные действия, менее склонен думать об альтернативных способах разрешения ситуации. Переменная «Выработка реакции» показывает, насколько респонденты были склонны искать другие пути выхода из ситуации («Думали ли Вы о других способах выхода из ситуации?» 1 = да / 0 = нет). Далее следовали вопросы о том, каковы были эти способы и считал ли респондент, что они приведут его к достижению цели. Однако эти ответы не были включены в статистический анализ, а остались в описательной части (см. ниже). Последний этап ТОСИ (поведенческая реализация принятого решения) определяет, достиг ли респондент своей цели в данной ситуации

(«Ваши действия привели к достижению Вашей цели?» 1 = да / 0 = нет). Эта переменная носит название «Выгода от действия». Заданный вопрос снова отсылает к этапу постановки цели. Согласно теории, человек осуществляет ту поведенческую реакцию, которая, как он считает, приведет к реализации поставленных им целей в данной ситуации.

Предубежденность о враждебности другого (ПВД) измерялась как на уровне черты характера (т. е. на личностном уровне), так и на уровне психического состояния (т. е. на ситуативном уровне). На личностном уровне предубежденность состоит в том, что респондент негативно оценивает эмоции оппонента по отношению к респонденту в любой ситуации и в любое время. На ситуативном уровне предубежденность состоит в том, что респондент негативно оценивает эмоции оппонента по отношению к респонденту в данной ситуации [56]. Были использованы две шкалы: предубежденность о враждебности другого как черта характера (личностная ПВД) и предубежденность о враждебности другого как психическое состояние (ситуативная ПВД). Topalli и O'Neal в своем исследовании, посвященном провокации и мотивации мести, изначально использовали шкалу ситуативной ПВД. Для целей настоящего исследования мы также использовали шкалу ситуативной ПВД и разработали шкалу личностной ПВД. Обе шкалы подразделяются на шесть уровней. Ответы на вопросы включали пять пунктов по шкале Likert: от «Совершенно не согласен» (1) до «Совершенно согласен» (5). В каждой шкале пункты распределяются от 6 до 30, более высокие значения соответствуют большей выраженности ПВД. Предубежденность о враждебности другого как черта характера определялась исходя из мнения респондента о том, как люди относятся к нему большую часть времени, например, «Большинство людей злятся на вас» или «Большинство людей враждебны по отношению к вам». Внутренняя валидность шкалы личностной ПВД была подтверждена методом Cronbach и составила 0,81. Предубежденность о враждебности другого как психическое состояние определялась по восприятию респондентом чувств оппонента в данной ситуации, например, «Оппонент сердится на вас» или «Оппонент враждебен по отношению к вам». По методу Cronbach валидность составила 0,89.

В нашем исследовании также тестировалась модель встраивания эмоциональных процессов [14] в те-

орию обработки социальной информации, разработанную Crick и Dodge [13]. Для этого использовались дополнительные независимые переменные в модели 2 (см. табл. 3). Для измерения различий в эмоциональных процессах на уровне черты характера мы исследовали такую черту, как гнев. Десятиуровневая шкала для измерения этой черты была разработана Spielberg и др. [57] и усовершенствована Spielberg [58]. Она включает такие вопросы, как «Вы вспыльчивы?», «У вас буйный характер?», «Вы сердитесь, когда ошибки других вас задерживают?». Ответы варьируются от (1) «Почти никогда» до (4) «Почти всегда». Окончательный балл получается в результате сложения баллов ответов и варьирует от 10 (респондент ответил «Почти никогда» на все вопросы) до 40 (ответ «Почти всегда» на все вопросы). По методу Cronbach валидность составляет 0,87.

В нашем исследовании мы измеряли гнев на уровне психического состояния (ситуативный уровень) по шкале Spielberg [58] «Гнев как психическое состояние». Это пятиуровневая шкала, измеряющая уровень чувства гнева, которое респондент испытывал в конкретной ситуации. Вопросы включают, например, «Я был в ярости» или «Я чувствовал гнев»; ответы варьируют от «Совсем нет» (1) до «В значительной степени» (4). Окончательный балл может составить от 5 до 20. По методу Cronbach валидность составляет 0,96.

Последняя переменная в модели 2 – «Ущерб». Как было показано выше, более проактивно агрессивная личность с большей вероятностью ставит внутриличностные цели, а также с большей вероятностью причиняет ущерб и меньше думает об ущербе, причиняемом жертве [25]. Опрос содержал пункт для измерения этой переменной, а именно: «Насколько сильно вы хотели причинить физический ущерб оппоненту?» Переменная измерялась по 11-балльной шкале Likert, от «Совсем нет» (0) до «В значительной степени» (10).

Последняя модель (модель 3) включает переменные на ситуативном уровне, которые, согласно предыдущим криминологическим исследованиям, являются значимыми факторами в ситуациях с высоким риском. Сюда включаются: нахождение респондента или оппонента под влиянием психотропных веществ (алкоголя или наркотиков), а также наличие оружия у респондента или оппонента в конкретной ситуации. Все четыре переменные измеряются дихотомически (0 = нет, 1 = да).

Поскольку исследование направлено на сбор данных о ситуациях, связанных с конкретной личностью, требуется иерархическое моделирование. Иерархическое линейное моделирование (ИЛМ) дает возможность одновременно протестировать данные личностного и ситуативного уровня. В данном случае из-за наличия дихотомических переменных (исход ситуации – насилие = 1, исход ситуации – избегание насилия = 0) применяется иерархическое обобщенное линейное моделирование (ИОЛМ) [59]. Этот статистический метод применяется в условиях недостаточной независимости сообщений о ситуациях, поскольку один респондент мог участвовать в нескольких ситуациях. Данное исследование представляет собой контекстуальный анализ, посвященный изучению индивидуальных поведенческих реакций в разных ситуациях. Один и тот же респондент мог участвовать в одной или нескольких ситуациях насилия или избегания насилия. Эти ситуации были различны для разных респондентов. Таким образом, ситуации различались как у одного респондента, так и для разных респондентов, поэтому ситуационные объекты анализа были включены в личностные объекты анализа. Модель уровня 1 содержит ситуативные переменные, а модель уровня 2 – личностные переменные. Как было предложено в исследовании Raudenbush и Bryk [59], переменные уровня 1 объединялись вокруг среднего показателя внутри класса, а переменные уровня 2 – вокруг общего среднего [60].

Результаты

Прежде чем обсуждать статистические модели, необходимо описать характеристики выборки исследования. В табл. 1 приводятся данные выборки из 236 респондентов. Средний возраст респондентов составил 28 лет. Расовая принадлежность – белые (58,5 %) и афроамериканцы (34,7 %). Почти половина респондентов сообщили о наличии законченного среднего образования (49,60 %), а 27 % не окончили 11 классов. Большинство респондентов указали на принадлежность к низшему или рабочему классу (66,5 %), остальные считают себя принадлежащими к среднему (29,9 %) или высшему классу (3,0 %). Что касается их криминальной истории, то количество предыдущих арестов и приговоров сильно различалось у разных респондентов, составив в среднем пять арестов и три приговора на человека.

Таблица 1
**Описательная статистика (со слов респондентов)
выборки из 236 заключенных**
**Table 1. Self-Report Descriptive Statistics
for the Sample of 236 Inmates**

Переменная / Variable	Частотность / Frequency	%
Расовая принадлежность / Race/Ethnicity		
Белый / Caucasian/White	138	58,50
Афроамериканец / African American/Black	82	34,70
Другое / Other	16	6,70
Образование / Education		
8 классов и менее / 8th Grade or less	3	1,30
9–11 классов / 9th–11th Grade	62	26,30
Полное среднее образование / HS Diploma or GED	117	49,60
Неполное высшее образование / Some College	19	20,80
Полное высшее образование / College Graduate	4	1,70
Магистратура / Post-Grad Study	1	0,40
Финансовое положение / Financial status		
Низший/рабочий класс / Lower/Working Class	157	66,50
Средний класс / Middle Class	70	29,90
Высший класс / Upper Class	7	3,00
Семейное положение / Relationship status		
Холост / Single	117	49,60
Имеет партнера / Partner	96	40,70
Женат / Married	23	9,70
Переменная / Variable	Среднее / Mean	Стандартное отклонение / Std. deviation
Возраст / Age	28,71	9,27
Переменная / Variable	Медиана / Median	Стандартное отклонение / Std. deviation
Аресты / Arrests	5	11,64
Приговоры / Convictions	3	6,17

В ходе исследования 236 респондентов сообщили о 466 ситуациях насилия или избегания насилия. 100 респондентов (42 %) сообщили о 159 ситуациях избегания насилия и 196 респондентов (83 %) сообщили о 307 ситуациях насилия. Многие респонденты рассказывали о ситуациях обоих типов. Более половины (65,80 %) всех ситуаций были ситуациями насилия, а остальные – избегания насилия. В табл. 2 представлена описательная статистика переменных обработки социальной информации, которая не была включена

в анализ ИОЛМ. Как видно из таблицы, респонденты определяли намерения оппонента (оппонентов) по комбинации внутренних (например, имеющееся знание или черты характера) и внешних (например, сообщение или поведение оппонента) сигналов. В описанных ситуациях большинство сигналов были внешними, в основном поведение оппонента в обоих типах ситуаций (42,91 % – в ситуациях избегания насилия и 48,23 % – в ситуациях насилия). Второй по частоте тип сигнала – внутренний, когда респонденты оценивали прошлый опыт с оппонентом(тами) (21,82 % – в ситуациях избегания насилия и 15,80 % – в ситуациях насилия). Далее следует внешний сигнал, когда оппонент сообщает респонденту о своих намерениях в данной ситуации (17,82 % в ситуациях избегания насилия и 14,55 % в ситуациях насилия).

Таблица 2
**Описательная статистика переменных обработки
социальной информации в ситуациях насилия
и избегания насилия**
**Table 2. Descriptive Statistics for Social Information
Processing Variables in Avoided Violence
versus Violent Situations**

Переменная / Variable	Ситуации избегания насилия / Avoided violence		Ситуации насилия / Violent	
	Частотность / Frequency	%	Частотность / Frequency	%
Расшифровка сигналов / Encoding of cues				
Прошлый опыт с оппонентом(тами) / Past Exp. w/Opp.(s)	60	21,82	76	15,80
Прошлый опыт с другими / Past Exp. w/Others	6	2,18	17	3,53
Просто знал / You Just Knew	38	13,82	69	14,35
Сообщение оппонента(тов) / Opp.(s) Told You	49	17,82	70	14,55
Поведение оппонента(тов) / Opp.(s) Behavior	118	42,91	232	48,23
Другое / Other	4	1,45	17	3,53
Выработка множественной реакции / R multiple response generation				
Нет / No	125	78,62	265	86,32
Да / Yes	34	21,38	42	13,68
Результат реакции / Outcome of response generation				
Избегание насилия / Avoid Violence	3	8,82	26	61,90
Насилие / Violence Occur	31	91,17	16	38,09
Выгода от действий / Action benefit				
Нет / No	17	50,00	20	47,61
Да / Yes	17	50,00	22	52,38

В 21,38 % случаев в ситуациях избегания насилия респонденты сталкивались с ситуацией множественного выбора реакции. При этом в 91,17 % случаев респонденты признавали, что насилие могло иметь место, в 50 % случаев они признавали, что достигли бы желаемой цели, если бы действовали в данной ситуации по-другому. И наоборот, респонденты сталкивались с ситуацией множественного выбора реакции в небольшом количестве ситуаций насилия (13,68 %). Из тех, кто признавал возможность других реакций, большинство (61,90 %) считали, что насилия можно было избежать, а 52,38 % признавали, что достигли бы желаемой цели, если бы действовали в данной ситуации по-другому.

В нашем исследовании тестировались три независимые модели ИОЛМ (см. табл. 3). Независимые переменные обработки социальной информации (ОСИ) на ситуационном уровне (уровень 1) – это интерпретация намерений, цель, выработка реакции и выгода от действий. Эти переменные ОСИ включены во все три модели, а остальные ситуационные и эмоциональные (уровень 1) и личностные (уровень 2) переменные постепенно добавляются в последующие модели. Таким образом, мы определяем, как изменяются переменные ОСИ в зависимости от добавления значимых переменных на ситуационном, эмоциональном и личностном уровне. В табл. 3 представлены результаты анализа ИОЛМ. Необходимо отметить, что все результаты представлены в вероятностных соотношениях и что все три модели значимы для анализа.

Первая модель, представленная в табл. 3, включает только переменные обработки социальной информации на ситуационном уровне. Данные показывают, что все рассматриваемые переменные: интерпретация намерений, цель, выработка реакции и выгода от действий – являются значимыми для исхода ситуации. А именно: если респондент интерпретирует намерения оппонента как более позитивные (менее вредоносные), то вероятность насильственного исхода ситуации уменьшается на 11 % (0,8889). Аналогично если респондент сообщает о наличии межличностной цели в рамках конкретной ситуации, то вероятность насильственного исхода ситуации уменьшается почти на 77 % (0,2316). И наконец, если респондент сообщает о возможности множественного выбора реакции, то вероятность насильственного исхода ситуации уменьшается почти на 55 % (0,4514). Проще говоря, вероят-

ность насильственного исхода ситуации уменьшается, когда респондент не интерпретирует намерения оппонента как вредоносные, когда респондент имеет межличностную цель и когда он признает возможность множественного выбора реакции в данной ситуации.

В добавление к переменным модели 1 модель 2 включает также переменные личностного уровня (уровень 2) – предубежденность о враждебности другого как черта характера, гнев как черта характера, а также обе эти переменные как психические состояния и намерение причинить вред на ситуационном уровне. При этом было обнаружено, что только гнев как черта характера является предиктором исхода ситуации. А именно с повышением значения гнева как черты характера вероятность насильственного исхода ситуации повышается на 5 % (1,0542). Кроме того, модель 2 показывает, что все эмоциональные переменные являются предикторами исхода ситуации. При повышении уровня гнева респондента вероятность насильственного исхода ситуации повышается на 7 % (1,0768). Если респондент отмечает высокий показатель предубежденности о враждебности другого, то вероятность насильственного исхода уменьшается примерно на 5 % (0,9527); однако и гнев, и ПВД являются значимыми показателями на уровне 0,10. Самым сильным предиктором насильственного исхода ситуации является намерение причинить вред. При возрастании этого показателя вероятность насильственного исхода ситуации повышается на 23 % (1,2316). Как цель, так и возможность множественного выбора реакции остаются значимыми показателями, причем с той же направленностью, что и в модели 1, однако намерения оппонента теряют свою значимость для исхода ситуации. Модели 1 и 2 показывают, что переменные принятия решений, введенные в теории обработки социальной информации Crick и Dodge [13], а также эмоциональные переменные, предложенные Lemerise и Arsenio [14], играют значительную роль в изучаемых ситуациях.

В соответствии с литературными данными о ситуационных факторах последняя модель (модель 3) включает также данные об употреблении психотропных веществ респондентом и/или оппонентом и наличии оружия в изучаемой ситуации [1, 3, 4]. Из этих четырех новых переменных значимыми для исхода ситуации являются употребление психотропных веществ респондентом и наличие оружия у оппонента. Следует отметить, что в целом употребление психотропных

Таблица 3

Результаты применения модели ИОЛМ

Table 3. HGLM Models Results

Переменные / Variable	Модель 1 / Model 1			Модель 2 / Model 2			Модель 3 / Model 3		
	Коэффициент / Coefficient	SE	OR	Коэффициент / Coefficient	SE	OR	Коэффициент / Coefficient	SE	OR
Личностные / Individual	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Противодействие / Intercept	0,6844**	0,1164	1,9826	0,7437**	0,1042	2,1038	0,7839**	0,1106	2,1900
ПВД / Host. Att. Bias	–	–	–	-0,0308	0,0261	0,9696	-0,0321	0,0279	0,9684
Гнев как черта характера / Trait Anger	–	–	–	0,0528*	0,0184	1,0542	0,0522*	0,0200	1,0536
Ситуационные / Situational	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Интерпретация намерений / Intent Interpretation	-0,01178*	0,0567	0,8889	-0,0882	0,0694	0,9156	-0,0900	0,0753	0,9142
Цель / Goal	1,4628**	0,3697	0,2316	-1,1338*	0,4615	0,3218	-1,1021*	0,4886	0,3322
Выработка реакции / Resp. Generation	-0,07954*	0,3572	0,4514	-0,8882*	0,4684	0,4114	-0,7491	0,4969	0,4728
Выгода от действий / Action Benefit	0,2969	0,2963	1,3457	0,3247	0,4197	1,3836	0,6258	0,4102	1,8698
Гнев / Anger	–	–	–	0,0740+	0,0429	1,0768	0,0589	0,0438	1,0607
ПВД / Host. Att. Bias	–	–	–	-0,0484+	0,0273	0,9527	-0,0526+	0,0291	0,9487
Ущерб / Harm	–	–	–	0,2083**	0,0569	1,2316	0,2118**	0,0577	1,2359
Употребление психотропных веществ оппонентом / O substance	–	–	–	–	–	–	-0,3441	0,4165	0,7089
Употребление психотропных веществ респондентом / R substance	–	–	–	–	–	–	1,8102**	0,4199	6,1116
Оружие у оппонента / O weapon	–	–	–	–	–	–	0,8511*	0,3895	2,3421
Оружие у респондента / R weapon	–	–	–	–	–	–	-0,3612+	0,5895	0,6969

Примечания / Note: ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$; + $p < 0,1$

веществ респондентом имеет самое сильное влияние на вероятность насильственного исхода ситуации. А именно если респондент находился под влиянием алкоголя или наркотиков, то вероятность насильственного исхода ситуации повышается более чем на 500 % (6,1116). Аналогично если оппонент имел оружие, то вероятность насильственного исхода ситуации повышается на 134 % (2,3421). И наоборот, если респондент имел оружие, то вероятность насильственного исхода ситуации понижается на 31 % (0,6969). Употребление психотропных веществ оппонентом не имело, по нашим данным, значимого влияния на исход ситуации. По аналогии с употреблением психотропных веществ респондентом можно было предположить, что употре-

бление психотропных веществ преступником во время совершения преступления будет повышать вероятность насилия. Однако исследование этого не подтвердило. Как было показано в предыдущих моделях, согласно модели 3 гнев как черта характера является значимым предиктором исхода ситуации на личностном уровне, тогда как цель и намерение причинить вред остаются значимыми на ситуационном уровне.

Обсуждение

Целью данного исследования было изучение различий в процессе принятия решений в ситуациях насилия и избегания насилия, согласно теории обработки социальной информации. Как и ожидалось, вероятность

насильственного исхода повышается в тех ситуациях, когда респонденты сообщали о слабой или неэффективной ОСИ. А именно в ситуациях насилия респонденты интерпретируют намерения оппонентов более негативно, выбирают более внутриличностные цели, вырабатывают меньше вариантов поведенческих реакций и признают, что их действия принесли им выгоды в указанных ситуациях. Как предполагали Lemerise и Arsenio [14], эмоции играли существенную роль в изучаемых ситуациях. И наконец, такие ситуационные переменные, как использование психотропных веществ и оружия являются значимыми предикторами исхода ситуации. Прежде чем обсуждать следствия результатов нашего исследования, рассмотрим их ограничения.

Во-первых, выборка из 236 недавно приговоренных к тюремному заключению респондентов и 466 ситуаций может быть недостаточна с точки зрения статистики. Хотя в целом размер выборки значительный, модель 3 включает большое количество переменных. Это, в свою очередь, затрудняет нахождение статистически значимых связей и обоснование того, почему значимые предикторы в моделях 1 и 2 потеряли свою значимость в модели 3.

Во-вторых, обобщающий характер данного исследования ограничен изучением лишь заключенных из четырех тюрем Пенсильвании. Когнитивные и эмоциональные показатели заключенных могут отличаться от таковых общей массы населения. Однако обычные граждане не так часто оказываются в ситуациях насилия, чтобы исследование было адекватным. Хотя группа населения, участвовавшая в нашем исследовании, не отражает показателей всего населения, она представляет собой интересный и перспективный объект изучения. Представленная выборка респондентов и ситуаций является наиболее адекватной для целей данного исследования.

Наконец, заключенные должны были ретроспективно сообщить о своем поведении. Учитывая, что респонденты должны были вспомнить о событиях, произошедших в течение 24 месяцев до их заключения под стражу, а также, что они в итоге были заключены под стражу, возникает опасность их нежелания правдиво и точно отвечать на вопросы и вспоминать подробности определенных событий. Мы предпринимали все меры для уменьшения тревожности респондентов по поводу их противозаконных действий в прошлом, включая напоминание о строгой конфиденциаль-

ности. Более ранние исследования подтверждают, что заключенные, участвующие в опросах, правдиво говорят о своих противозаконных действиях в прошлом [61]. Что касается проблем с припоминанием, то мы использовали календарь жизненных событий для оптимизации воспоминаний о периоде продолжительностью в 24 месяца. В ряде исследований было показано, что человек использует «автобиографические последовательности» для организации личных воспоминаний, используя сигналы для припоминания событий [44, 45, 62, 63]. Хотя воспоминания могут подвергаться некоторой реконструкции и реинтерпретации, мы считаем, что это допустимо, учитывая гораздо более высокую значимость собственного опыта участия в ситуациях насилия по сравнению с реакцией на гипотетические ситуации из видеотреггеров. Мы признаем эти ограничения, но считаем, что наше исследование имеет ряд преимуществ по сравнению со стандартными тестами ТОСИ.

Результаты данного исследования показывают, что требуется дальнейшее изучение проблемы насилия у взрослых на ситуационном уровне. Ситуационный анализ позволяет исследователям сосредоточиться на процессе принятия решения у преступника в ситуации риска насилия. Принятие решения тесно связано с социальным контекстом, в котором оно происходит, и предполагает высокую степень взаимодействия между личностью и факторами ее окружения. В данном исследовании изучались когнитивные аспекты теории обработки социальной информации Crick и Dodge [13], а также эмоциональные аспекты, предложенные Lemerise и Arsenio [14]. Хотя теория обработки социальной информации Crick и Dodge [13] хорошо изучена на детях и подростках, ее еще недостаточно тестировали на взрослых. Наше исследование направлено на изучение потенциальных возможностей теории обработки социальной информации на группе взрослых, которые, как предполагалось, обладают более определенными и устоявшимися «базами данных» по сравнению с детьми и подростками.

Как показывают результаты, необходимо дальнейшее изучение данной теории применительно к ситуациям насилия и преступных действий. Три из четырех переменных ТОСИ (а именно интерпретация намерений, цель и выработка реакции) являются значимыми предикторами насильственного исхода ситуации в рамках первой модели. Два показателя оставались

значимыми также в рамках второй модели (т. е. цель и выработка реакции), а показатель цели оставался значимым также и в третьей модели. При включении показателей употребления психотропных веществ и наличия оружия значимость показателя «выработка реакции» падала до уровня 0,05. Однако эта переменная может взаимодействовать с употреблением психотропных веществ респондентом. В более ранних исследованиях было показано, что употребление алкоголя и наркотиков меняет способность принятия решений в различных ситуациях [39]. Во многих исследованиях обработки социальной информации использовались гипотетические сценарии. Хотя такой подход имеет свои преимущества, он не позволяет изучить влияние алкоголя и наркотиков на процесс принятия решений в реальной жизни. Наша выборка реальных ситуаций с высокой степенью риска насилия показывает, что употребление психотропных веществ респондентом значительно повышает вероятность насильственного исхода ситуации. Как и предполагалось, это доказывает нарушение процесса принятия решений. Этот аспект требует дальнейшего изучения для уточнения взаимосвязи между ТОСИ и употреблением психотропных веществ в ситуациях с высокой степенью риска насилия.

Кроме переменных ТОСИ, наше исследование затрагивало роль эмоций, о которой писали Lemerise и Arsenio [14]. Мы тестировали гнев на личностном и ситуативном уровнях. Гнев как черта характера оказался статистически значимым в моделях 2 и 3, а ситуативный показатель гнева достиг статистической значимости в модели 2, до введения остальных ситуационных переменных. Согласно нашему исследованию, гнев может быть опосредован другими переменными (возможно, намерением причинить вред и употреблением психотропных веществ). Кроме того, с учетом нашей выборки из числа преступников дальнейшие исследования могут сосредоточиться на изучении роли гнева и других эмоций на других выборках.

Результаты данного исследования показывают, что показатели проактивной агрессии (т. е. цель и ущерб) значительно влияют на повышение вероятности насильственного исхода. В ситуациях, когда ставилась внутриличностная цель, а респондент имел намерение причинить больший ущерб оппоненту, вероятность насильственного исхода значительно возрастала. При этом исследование показало меньшую степень

поддержки реактивной агрессии (т. е. интерпретации намерений и ПВД). Хотя более негативная интерпретация намерений другого повышала вероятность насильственного исхода в первых двух моделях, однако в последних двух моделях этот показатель не достиг статистической значимости. Возможно, это является следствием изучения взрослых преступников. Данная выборка значительно отличается от выборок, использовавшихся в более ранних исследованиях обработки социальной информации. Это показывает, что требуется дальнейшее исследование ТОСИ на взрослых в целом, чтобы определить, подтверждают ли исследования на детях и подростках данную теорию.

Кроме того, показатель ПВД как психического состояния (ситуационный) достиг статистической значимости 0,05 в моделях 2 и 3. Однако в противовес нашим ожиданиям он имел отрицательную связь с насилием во всех моделях. Как указывалось в обзоре литературы, в предыдущих исследованиях было обнаружено, что агрессивные молодые люди (особенно реактивно агрессивные) более склонны приписывать враждебные намерения другим. Наше исследование опровергает этот вывод. Возможно, различие в некоторой степени объясняется методологическими причинами. Многие предыдущие исследования были направлены на изучение агрессии в более широком смысле, а не насилия в более узком смысле. В нашей выборке, состоящей из взрослых преступников, мы четко определили «ситуации насилия» как ситуации с явно выраженным жестоким воздействием. И наоборот, наше определение «ситуаций избегания насилия» включало угрозы, захваты, толчки, а также поощрение насилия. Таким образом, для данной выборки высокий уровень ситуационной ПВД может приводить скорее к защитной и агрессивной реакции «избегания насилия», чем к реальному насилию. То есть ПВД может ассоциироваться с агрессивными угрозами и словесной конфронтацией, но не приводить к повышению уровня насилия.

Дальнейшие исследования должны уточнить это различие. Кроме того, необходимо исследовать подход с точки зрения «сферы нравственности» [26], т. е. каким образом интерпретация нравственных качеств преступника влияет на этапы обработки социальной информации, какие эмоции задействованы на этих этапах и каково при этом соотношение реактивной и проактивной агрессии.

Важно также исследовать аспект наличия оружия в ситуациях риска. Мы показали, что ситуация насилия гораздо более вероятна, если оппонент имеет оружие. Возможное объяснение состоит в том, что, как сообщали многие респонденты, оппонент был инициатором агрессии в изучаемой ситуации. В таком случае оппонент чувствовал себя в большей безопасности в ситуации насилия. Однако если оружие было у респондента, вероятность насилия снижалась. Этот результат противоречит данным Wells и Horney [44]. Это интересный аспект, поскольку мы использовали в своем исследовании рабочие определения и вопросы, разработанные Wells и Horney для дифференциации между ситуациями насилия и избегания насилия. Для объяснения такого результата требуются дальнейшие исследования аспектов принятия решения, намерения причинить ущерб и наличия оружия.

В заключение отметим, что результаты настоящего исследования частично подтверждают теорию обработки социальной информации в качестве объяснения насильственных исходов на выборке взрослых преступников. В частности, ярко проявились этапы, ассоциирующиеся с «проактивной агрессией». Понимание процесса принятия решения в ситуации с высокой степенью риска насилия требует учета широкого спектра личностных, когнитивных, эмоциональных и ситуационных переменных. Теория обработки социальной информации лучше объясняет эти сложные взаимодействия, чем подход с точки зрения рационального выбора. Результаты настоящего исследования подтверждают целесообразность использования теории обработки социальной информации при изучении процесса принятия решений в ситуациях насилия.

Список литературы / References

1. Horney, J. An Alternative Psychology of Criminal Behavior: The American Society of Criminology 2005 Presidential Address, *Criminology*, 2006, vol. 44, No. 1, p. 16.
2. Mead, G. H. *Mind, Self, and Society*, Chicago, IL: University Chicago Press, 1934.
3. Birkbeck, C., Lafree, G. The Situational Analysis of Crime and Deviance, *Annual Review of Sociology*, 1993, vol. 19, pp. 113–137.
4. Sampson, R. J., Lauritsen, J. L. Violent Victimization and Offending: Individual-, Situational-, and Community-Level Risk Factors, *Understanding and Preventing Violence*, Washington, DC: The National Academies Press, 1994, pp. 1–114.
5. Felson, R. B., Steadman, H. J. Situational Factors in Disputes Leading to Criminal Violence, *Criminology*, 1983, vol. 21, pp. 59–74.
6. Oliver, W. *The Violent Social World of Black Men*, New York, NY: Lexington, 1994.
7. Boudon, R. Limitations of Rational Choice Theory, *American Journal of Sociology*, 1998, vol. 104, No. 3, pp. 817–828.
8. De Haan, W., Jaco, Vos. A Crying Shame: The Over-Rationalized Conception of Man in the Rational Choice Perspective, *Theoretical Criminology*, 2003, vol. 7, No. 1, pp. 29–54.
9. Jacobs, B. A., Wright, R. Stick-Up, Street Culture, and Offender Motivation, *Criminology*, 1999, vol. 37, No. 1, pp. 149–174.
10. Walsh, D. Victim Selection Procedures Among Economic Criminals: The Rational Choice Perspective, *The Reasoning Criminal: Rational Choice Perspectives on Criminal Offending*, ed. D. B. Cornish, R. V. Clarke, New York, NY: Springer-Verlag, 1986, pp. 39–52.
11. Johnson, E., Payne, J. The Decision to Commit a Crime: An Information-Processing Analysis, *The Reasoning Criminal: Rational Choice Perspectives on Criminal Offending*, ed. D. B. Cornish, R. V. Clarke, New York, NY: Springer-Verlag, 1986, pp. 170–185.
12. Glockner, A., Betsch, T. Multiple-Reason Decision Making Based on Automatic Processing, *Journal of Experimental Psychology*, 2008, vol. 34, pp. 1055–1075.
13. Crick, N. R., Dodge, K. A. A Review and Reformulation of Social Information-Processing Mechanisms in Children's Social Adjustment, *Psychological Bulletin*, 1994, vol. 115, pp. 74–101.
14. Lemerise, E. A., Arsenio F. W. An Integrated Model of Emotion Processes and Cognition in Social Information Processing, *Child Development*, 2000, vol. 71, pp. 107–118.
15. Ybarra, O. Naive Causal Understanding of Valenced Behaviors and its Implications for Social Information Processing, *Psychological Bulletin*, 2002, vol. 128, pp. 421–441.
16. Dodge, K. A., Rabiner, D. L. Returning to Roots: On Social Information Processing and Moral Development, *Child Development*, 2004, vol. 75, No. 4, pp. 1003–1008.
17. Zelli, A., Dodge, K. A., Laird, R. D., Lochman, J. E. The Distinction Between Beliefs Legitimizing Aggression and Deviant Processing of Social Cues: Testing Measurement Validity and the Hypothesis that Biased Processing Mediates the Effects of Beliefs on Aggression, *Journal of Personality and Social Psychology*, 1999, vol. 77, pp. 150–166.
18. Dodge, K. A. The Structure and Function of Reactive and Proactive Aggression, *The Development and Treatment of Childhood Aggression*, ed. D. J. Pepler, K. H. Rubin, Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1991, pp. 201–218.

19. Lansford, J. E., Malone, P. S., Dodge, K. A., Crozier, J. C., Pettit, G. S., Bates, J. E. A 12-Year Prospective Study of Patterns of Social Information Processing Problems and Externalizing Behaviors, *Journal of Abnormal Child Psychology*, 2006, vol. 34, pp. 715–724.
20. De Castro, B. O. The Development of Social Information Processing and Aggressive Behavior: Current Issues, *European Journal of Developmental Psychology*, 2004, vol. 1, pp. 87–102.
21. De Castro, B. O., Veerman, J. W., Koops, W., Joop D. Bosch, Monshouwer, H. J. Hostile Attribution of Intent and Aggressive Behavior: A Meta-Analysis, *Child development*, 2002, vol. 73, No. 3, pp. 916–934.
22. Fontaine, R. G., Tanha, M., Yang, C., Dodge, K. A., Bates, J. E., Pettit, G. S., 38:615-626. Does Response Evaluation and Decision (RED) Mediate the Relationship Between Hostile Attributional Style and Antisocial Behavior in Adolescence?, *Journal of Abnormal Child Psychology*, 2010, vol. 38, No. 5, pp. 615–626.
23. Halligan, S. L., Cooper, P. J., Healy, S. J., Murray, L. The Attribution of Hostile Intent in Mothers, Fathers and Their Children, *Abnormal Child Psychology*, 2007, vol. 35, No. 4, pp. 594–604.
24. Dodge, K. A. Social Cognition and Children's Aggressive Behavior, *Child Development*, 1980, vol. 51, pp. 162–170.
25. Arsenio, W. F., Adams, E., Gold, J. Social Information Processing, Moral Reasoning, and Emotion Attributions: Relations with Adolescents' Reactive and Proactive Aggression, *Child Development*, 2009, vol. 80, No. 6, pp. 1739–1755.
26. Arsenio, W. F., Lemerise, E. A. Aggression and Moral Development: Integrating Social Information Processing and Moral Domains Model, *Child Development*, 2004, vol. 75, No. 4, pp. 987–1002.
27. Coccaro, E. F., Noblett, K. L., Mccloskey, M. S. Attributional and Emotional Responses to Socially Ambiguous Cues: Validation of a New Assessment of Social/Emotional Information Processing in Healthy Adults and Impulsive Aggressive Patients, *Journal of Psychiatric Research*, 2009, vol. 43, No. 10, pp. 915–925.
28. Chen, P., Coccaro, E. F., Jacobson, K. C. Hostile Attribution Bias, Negative Emotional Responding, and Aggression in Adults: Moderating Effects of Gender and Impulsivity, *Aggressive Behavior*, 2012, vol. 38, No. 1, pp. 47–63.
29. Losel, F., Bliesener, T., Bender, D. Social Information Processing, Experiences of Aggression in Social Contexts, and Aggressive Behavior in Adolescents, *Criminal Justice and Behavior*, 2007, vol. 34, No. 3, pp. 330–347.
30. Dodge, K. A., Coie, J. D., Lynam, D. Aggression and Antisocial Behavior in Youth, *Handbook of Child Psychology*, vol. 3, ed. N. Eisenberg, Social, Emotional, and Personality Development, 6th ed., ed. W. Damon, R. M. Lerner, New York, NY: Wiley, 2006, pp. 719–788.
31. Crick, N. R., Dodge, K. A. Social Information-Processing Mechanisms in Reactive and Proactive Aggression, *Child Development*, 1996, vol. 67, No. 3, pp. 993–1002.
32. Crozier, J. C., Dodge, K. A., Fontaine, R. G., Lansford, J. E., Bates, J. E., Pettit, G. S. Social Information Processing and Cardiac Predictors of Adolescent Antisocial Behavior, *Journal of Abnormal Psychology*, 2008, vol. 117, No. 2, pp. 253–267.
33. Quiggle, N. L., Garber, J., Panak, W. F., Dodge, K. A. Social Information Processing in Aggressive and Depressed Children, *Child Development*, 1992, vol. 63, No. 6, pp. 1305–1320.
34. Shahinfar, A., Kupersmidt, J. B., Matz, L. S. The Relation Between Exposure to Violence and Social Information Processing Among Incarcerated Adolescents, *Journal of Abnormal Psychology*, 2001, vol. 110, No. 1, pp. 136–141.
35. Dodge, K. A., Pettit, G. S., Bates, J. E., Valente, E. Social Information Processing Patterns Partially Mediate the Effect of Early Physical Abuse on Later Conduct Problems, *Journal of Abnormal Psychology*, 1995, vol. 104, No. 4, pp. 632–643.
36. Fontaine, R. G., Burks, V. S., Dodge, K. A. Response Decision Processes and Externalizing Behavior Problems in Adolescents, *Development and Psychopathology*, 2002, vol. 14, No. 01, pp. 107–122.
37. Topalli, V. Criminal Expertise and Offender Decision-Making: An Experimental Analysis of How Offenders and Non-Offenders Differentially Perceive Social Stimuli, *The British Journal of Criminology*, 2005, vol. 45, No. 3, pp. 269–295.
38. Boles, S. M., Miotto, K. Substance Abuse and Violence: A Review of the Literature, *Aggression and Violent Behavior*, 2003, vol. 8, No. 2, pp. 155–174.
39. Chambers, J. C., Ward, T., Eccleston, L., Brown, M. The Pathways Model of Assault: A Qualitative Analysis of the Assault Offender and Offense, *Journal of Interpersonal Violence*, 2009, vol. 24, No. 9, pp. 1423–1449.
40. Felson, R. B., Burchfield, K. B., Teasdale, B. The Impact of Alcohol on Different Types of Violent Incidents, *Criminal Justice and Behavior*, 2007, vol. 34, pp. 1057–1068.
41. Graham, K., West, P., Wells, S. Evaluating Theories of Alcohol-Related Aggression Using Observations of Young Adults in Bars, *Addiction*, 2000, vol. 95, No. 6, pp. 847–863.
42. Krienert, J. L., Vandiver, D. M. Assaultive Behavior in Bars: A Gendered Comparison, *Violence and Victims*, 2009, vol. 24, No. 2, pp. 232–247.
43. Phillips, S., Maume, M. O. Have Gun Will Shoot? Weapon Instrumentality, Intent, and the Violent Escalation of Conflict, *Homicide Studies*, 2007, vol. 11, No. 4, pp. 272–294.

44. Wells, W., Horney, J. Weapon Effects and Individual Intent to do Harm: Influences on the Escalation of Violence, *Criminology*, 2002, vol. 40, No. 2, pp. 265–296.
45. Bradburn, N. M., Rips, L. J., Shevell, S. K. Answering Autobiographical Questions: The Impact of Memory and Inference on Surveys, *Science*, 1987, vol. 236, No. 4798, pp. 157–161.
46. Office of National Drug Control Policy. ADAM II: 2010 Annual Report Executive Office of the President, Washington, DC, 2011.
47. Bennett, T. H., J., F. Violent Street Crime: Making Sense of Seemingly Senseless Acts., *Brookman International Review of Law Computers and Technology*, 2008, vol. 22, No. 1–2, pp. 171–180.
48. Brookman, F., Mullins, C., Bennett, T., Wright, R. Gender, Motivation and the Accomplishment of Street Robbery in the United Kingdom, *British Journal of Criminology*, 2007, vol. 47, No. 6, pp. 861–884.
49. Jacobs, B. A., Topalli, V., Wright, R. Managing Retaliation: Drug Robbery and Informal Sanctions Threat, *Criminology*, 2000, vol. 38, No. 1, pp. 171–198.
50. Pizarro, J. M. Reassessing the Situational Covariates of Homicides: Is There a Need to Disaggregate?, *Homicide Studies*, 2008, vol. 12, pp. 323–349.
51. Topalli, V., Wright, R., Fornango, R. Drug Dealers, Robbery and Retaliation: Vulnerability, Deterrence and the Contagion of Violence, *British Journal of Criminology*, 2002, vol. 42, No. 2, pp. 337–351.
52. Horney, J. Criminal Events and Criminal Careers: An Integrative Approach to the Study of Violence, *The Process and Structure of Crime: Criminal Events and Crime Analysis*, ed. R. F. Meier, L. W. Kennedy, V. F. Sacco, New Brunswick, NJ: Transaction, 2001, pp. 141–168.
53. Sampson, R. J., Lauritsen, J. L. Deviant Lifestyles, Proximity to Crime, and the Offender-Victim Link in Personal Violence, *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 1990, vol. 27, No. 2, pp. 110–139.
54. Felson, R. B. Big People Hit Little People: Sex Differences in Physical Power and Interpersonal Violence, *Criminology*, 1996, vol. 34, No. 3, pp. 433–452.
55. Short, J. F. The Level of Explanation Problem Revisited – The American Society of Criminology 1997 Presidential Address, *Criminology*, 1998, vol. 36, No. 1, pp. 3–36.
56. Topalli, V., O’Neal, E. C. Retaliatory Motivation Enhances Attributions of Hostility When People Process Ambiguous Social Stimuli, *Aggressive Behavior*, 2003, vol. 29, No. 2, pp. 155–172.
57. Spielberger, C. D., Jacobs, G. A., Russell, S. F., Crane, R. S. Assessment of Anger: The State-Trait Anger Scale, *Advances in Personality Assessment*, ed. J. N. Butcher, C. D. Spielberger, Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1983, pp. 159–187.
58. Spielberger, C. D. *STAXI-2: State-Trait Anger Expression Inventory-2: Profession Manual*, Lutz, FL: Psychological Assessment Resources, 1999.
59. Raudenbush, S. W., Bryk, A. S. *Hierarchical Linear Models: Applications and Data Analysis Methods*, 2nd ed., Thousand Oaks, CA: Sage, 2002.
60. Raudenbush, S. W., Bryk, A. S., Cheong, Y. F., Congdon, R., Toit, M. D. *HLM 6: Hierarchical Linear and Nonlinear Modeling*, Lincolnwood, IL: SSI, Inc., 2004.
61. Junger-Tas, J., Marshall, I. H. The Self-Report Methodology in Crime Research, *Crime and Justice*, 1999, vol. 25, pp. 291–367.
62. Caspi, A., Moffitt, T. E., Thornton, A., Freedman, D., Amel, J. W., Harrington, H., Smeijers, J., Silva, P. A. The Life History Calendar: A Research and Clinical Assessment Method for Collecting Retrospective Event-History Data, *International Journal of Methods in Psychiatric Research*, 1996, vol. 6, pp. 101–114.
63. Roberts, J., Horney, J. The Life Event Calendar Method in Criminological Research, *Handbook of Quantitative Criminology*, ed. A. R. Piquero, D. Weisburd, New York, NY: Springer, 2010, pp. 289–312.
64. Jacobs, B. A., Wright, R. Moralistic Street Robbery, *Crime and Delinquency*, 2008, vol. 54, No. 4, pp. 511–531.
65. Bowen, K. N., Roberts, J. J., Kocian, E. J., Bartula, A. An empirical test of social information processing theory and emotions in violent situations, *Western Criminology Review* vol. 15, No. 1, pp. 18–33.

Дата поступления 28.12.2016

Дата принятия в печать 30.01.2017

Дата онлайн-размещения 20.03.2017

© Bowen, K. N., Roberts J. J., Kocian E. J., Bartula A., 2017. Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (<http://apel.ieml.ru>), 25.03.2017; лицензия Татарского образовательного центра «Таглитат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на <http://apel.ieml.ru>, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторах

Контактное лицо:

Боуэн Кендра Н., старший преподаватель в области криминальной юстиции, Техасский Христианский университет
Адрес: Scharbauer Hall Suite 4200, 2855 Main Dr., Fort Worth, TX 76129, USA, tel.: +1 817257-5846
E-mail: kendranbowen@yahoo.com

Робертс Дженифер Дж., профессор криминалистики, Университет Индиана (Пенсильвания)
Адрес: Wilson Hall, Room 200, 411 North Walk, Indiana, PA 15705, USA, tel.: +1 724-357-2720
E-mail: jroberts@iup.edu

Коушэн Эрик, старший преподаватель криминалистики, права и общественных наук, Колледж Св. Винсента
Адрес: 2013 Saint Vincent College, 300 Fraser Purchase Road, Latrobe, PA 15650-2690, USA, tel.: +1 724-805-2950
E-mail: eric.kocian@email.stvincent.edu

Бартула Аарон, старший преподаватель в области криминальной юстиции, Университет Северного Техаса в Далласе
Адрес: 7400 University Hills Blvd., Dallas, TX 75241, USA, tel.: +1 972-780-3668
E-mail: aaron.bartula@unt.edu

KENDRA N. BOWEN¹

JENNIFER J. ROBERTS²

ERIC J. KOCIAN³

AARON BARTULA⁴

¹ *Texas Christian University*

² *Indiana University of Pennsylvania*

³ *Saint Vincent College*

⁴ *University of North Texas-Dallas*

AN EMPIRICAL TEST OF SOCIAL INFORMATION PROCESSING THEORY AND EMOTIONS IN VIOLENT SITUATIONS*

Objective: to study the decision-making process in high-risk-for-violence situations.

Methods: formal-legal, sociological, method of hierarchical generalized linear modeling.

Results: criminological research has favored the rational choice perspective in studying offender decision making. However, this theoretical approach does not take into account the complex interplay of situational, cognitive, emotional, and person factors that likely influence criminal decision making. To that end, the current study examines decision making in high-risk-for-violence situations focusing on social information processing and emotional state variables. The current study utilizes a sample of 236 newly incarcerated jailed inmates who provide personal level data and situational reports of violent and avoided violence situations (n = 466).

Scientific novelty: the findings for the first time show that several situational, social information processing, and emotion variables, such as intent interpretation, goal, and response generation, are significant predictors of the escalation of violence, hence increasing the probability of committing a crime.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific and law-enforcement activities when considering the issues of identifying and eliminating the reasons and conditions of crime committing, as well as with influencing the individuals in order to prevent crimes or anti-social behavior.

Keywords: Decision-making process; Emotions; Situation; Social information processing theory; Theory; Violent crimes; Law breaches

Received 28.12.2016

Accepted 30.01.2017

Available online 20.03.2017

© Bowen, K. N., Roberts J. J., Kocian E. J., Bartula A., 2017

* Published in Western Criminology Review. The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/3.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original. For commercial use, see Western Criminology Review: CCJLS@WesternCriminology.org

For original publication: Bowen, K. N., Roberts J. J., Kocian E. J., Bartula A. An empirical test of social information processing theory and emotions in violent situations, Western Criminology Review, 2014, vol. 15, No. 1, pp. 18–33.

*Боуэн К. Н., Робертс Дж. Дж., Коушэн Э., Бартула А. Эмпирическая проверка теории обработки социальной информации...
Bowen, K. N., Roberts J. J., Kocian E. J., Bartula A. An empirical test of social information processing theory...*

Information about the authors

Contact:

Kendra N. Bowen, assistant professor of criminal justice, Texas Christian University
Address: Scharbauer Hall Suite 4200, 2855 Main Dr., Fort Worth, TX 76129, USA, tel.: +1 817-257-5846
E-mail: kendranbowen@yahoo.com

Jennifer J. Roberts, professor of criminology, Indiana University of Pennsylvania
Address: Wilson Hall, Room 200, 411 North Walk, Indiana, PA 15705, USA, tel.: +1 724-357-2720
E-mail: jroberts@iup.edu

Eric Kocian, assistant professor of criminology, law, and society, St. Vincent College
Address: 2013 Saint Vincent College, 300 Fraser Purchase Road, Latrobe, PA 15650-2690, USA, tel.: +1 724-805-2950
E-mail: eric.kocian@email.stvincent.edu

Aaron Bartula, assistant professor of criminal justice, University of North Texas-Dallas
Address: 7400 University Hills Blvd., Dallas, TX 75241, USA, tel.: +1 972-780-3668
E-mail: aaron.bartula@unt.edu

For citation: Bowen, K. N., Roberts J. J., Kocian E. J., Bartula A. An empirical test of social information processing theory and emotions in violent situations, *Actual Problems of Economics and Law*, 2017, vol. 11, No. 1, pp. 189–207 (in Russ.).
DOI: 10.21202/1993-047X.11.2017.1.189-207

ПОЗНАНИЕ

Экономическая психология: научные очерки / О. В. Григорьева, Е. Л. Яковлева, Н. С. Григорьева и др. ; под ред. А. В. Тимирясовой. – Казань : Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирясова, 2016. – 200 с.

В монографии излагаются современные взгляды на понятие «экономическая психология». Авторы на основе анализа научных данных и результатов собственных исследований показали значение психологических знаний в экономическом поведении и жизни человека. Разграничены такие понятия, как экономическое сознание, экономические объекты, экономическое поведение, социальный капитал, образ денег и т. п. С различных позиций (с точки зрения философии, психологии, экономики, культурологии) осуществлена попытка найти ответы на вопросы формирования и воспитания психологической грамотности будущих экономистов.

Рассчитана на специалистов в области экономики и психологии, культуры, философии, педагогики, а также адресована всем, кто интересуется вопросами гармоничного развития человека. Может быть рекомендована в качестве дополнительной литературы по дисциплинам: философия, культурология, психология, экономика.